

комплекса. К этому же результату вела и адаптация поздней Византии к новым условиям экономической и социокультурной жизни, созданным в Восточном Средиземноморье благодаря торговой активности городов-республик Италии. Все это не могло не содействовать определенным тенденциям к сближению и в сфере культуры Италии и Византии.

Сколь ни привлекательной была Никея к середине XIII в. для деятелей культуры, многие из них оставались вне пределов Никейской империи. Иной стала ситуация после отвоевания Константинополя: сюда они съезжались отовсюду — и из других крупных центров, и из захолустных городов, и с отдаленных островов. К концу XIII в. в столице сосредоточилась почти вся интеллектуальная элита империи, по крайней мере светская (духовенство выполняло свой пастырский долг и в провинции). Непременной сферой деятельности энциклопедистов той эпохи являлось преподавание, и число эрудитов-учителей, причем весьма высокого уровня, быстро росло.

Новые веяния в интеллектуальной атмосфере эпохи, тяжелые задачи, стоявшие перед государством и обществом, властно требовали от деятелей культуры четко выраженной позиции по отношению и к науке, и к литературе. Уже на рубеже XIII—XIV вв. кардинальной для литературных и ученых кругов стала дилемма: либо признать несостоятельными знания и науку (а вместе с тем и разум), а догматы христианского учения — незыблемыми, либо объявить сомнительной теологию, а разум и знание — истинной дорогой к благу. В общем виде именно по отношению к этому вопросу к 40-м годам XIV в. произошел принципиальный раскол византийской образованной элиты, в котором проблемы онтологии и теологии оказались вплоть до 1453 г. неотделимыми от политики.

Значительную часть интеллектуалов составляли представители высшего белого и в особенности черного духовенства. Они выступали как защитники чистоты православия. Многие из них также были искусными в античной логике, риторике и диалектике. Немало и они внесли нового в умение строить силлогизмы, вести тонкую полемику, подняв на более высокий уровень искусство преодоления диалектических противоречий. В середине XIV в. они сплотились в широком движении исихастов, (проповедников мистического прижизненного единения с божеством путем «умного делания», «исихии» — покоя и слияния с Богом через аскезу и погружение в молитвенный экстаз). «Партия» исихастов во главе со своим вождем Григорием Паламой быстро «политизировалась» и к середине XIV в. захватила «идеологические высоты» в империи.

Неизмеримо уже был круг эрудитов-гуманистов, сила которых состояла в гораздо более широких и глубоких познаниях в культурном наследии античности, в более смелой интерпретации проблем онтологии и гносеологии (включая теологию), этики и самих явлений современной им действительности. Основой их философских изысканий стали платонизм и неоплатонизм. Разум (а не веру) они объявили главным инструментом познания и высшей добродетелью, противопоставляя его исихастскому антиинтеллектуалистическому поклонению церковным догматам. Апология платонизма, попытки не только комментирования, но и развития античных культурных традиций гуманисты и называли в своем кругу «возрождением». Они полагали, что научное познание должно состоять в сочетании теоретико-дедуктивного метода с эмпирически-индуктивным, в том числе познание окружающего мира и его причинных взаимосвязей. Тиха (рок, судьба) впервые предстала в учении гуманистов как альтернатива прони (божественному провидению), свобода воли — жесткому детерминизму. Эти отступления от традиционных постулатов православия церковь была готова трактовать как ересь. Современные исследователи не видят в идеях гуманистов новой философской концепции, радикально противостоящей теологии, но усматривают в их тезисах тенденции к десакрализации мысли, к признанию объективности материального мира (на Западе это течение XIII—XIV вв. определялось как номиналистическое).

Исихасты выступали по преимуществу как церковные деятели, священнослужители и проповедники. Иным было общественное поведение гуманистов. Их нравственным идеалом стало служение обществу и отечеству. Они проявляли уважение к личности, к ее праву на справедливость в земной, а не в потусторонней жизни. Высоким было и самоуважение гуманистов, считавших порядочность нормой человеческого общения. Они воспевали естественные радости жизни, мечтали о славе, с удовольствием {597} созерцали картины природы и шедевры искусства, упивались поэзией, но высшим наслаждением считали умственную деятельность.